

С. Г. Осьмачко

К. Н. Леонтьев и В. В. Розанов

В статье представлено идейно-теоретическое, методологическое соотношение позиций двух выдающихся отечественных мыслителей, в том числе, по проблемам исторической методологии, историософии, роли этико-эстетического и религиозного начал в оценке исторических явлений и процессов; проанализированы оценки В. В. Розанова в отношении научного метода К. Н. Леонтьева, особенностей его творческой судьбы.

Ключевые слова: византизм, историософия, история, культура, метод исторического познания, методология истории, натурализм, религия, этика, эстетизм.

S. G. Osmachko

K. N. Leontiev and V. V. Rozanov

In the article is represented the ideological and theoretical, methodological parity of positions of two outstanding domestic thinkers, including the problems of historical methodology, historiography, a role of ethic and esthetic and religious beginnings in the estimation of the historical phenomena and processes; are analysed V. V. Rozanov's estimations concerning the scientific method of K. N. Leontiev, features of his creative destiny.

Keywords: Byzantinism, historiography, history, culture, a method of historical knowledge, history methodology, naturalism, religion, ethics, estheticism.

Два замечательных мыслителя дореволюционной России – К. Н. Леонтьев и В. В. Розанов, – не совпадая во многом, тем не менее, смогли найти общий язык в процессе довольно оживленной переписки, продолжавшейся около года. К. Н. Леонтьев (с 13 апреля по 18 октября 1891 г.) отправил В. В. Розанову тринадцать писем; тот ответил ему девятью, даты отправки которых (в соответствии с обычной эпистолярной практикой В. В. Розанова) не указаны и могут быть определены примерно по соответствующим посланиям К. Н. Леонтьева [1].

Находившийся в то время на обочине общественной жизни К. Н. Леонтьев весьма положительно оценил заинтересованное внимание В. В. Розанова к своим произведениям. В письме от 8 мая 1891 г. К. Н. Леонтьев признается: «Вы до того ясно меня (то есть мои книги) понимаете, что я даже дивлюсь; вы удовлетворяете меня, как никто, пожалуй, из писавших мне письма или статьи и заметки обо мне». В письме от 13 июня 1891 г. отношение к В. В. Розанову выражено еще более однозначно: «Наконец-то после двадцатилетнего почти ожидания я нашел человека, который понимает мои сочинения именно так, как я хотел, чтобы их понимали» [2].

В свою очередь, В. В. Розанов оценивал знакомство с К. Н. Леонтьевым, их переписку как

важнейший факт своей интеллектуальной биографии: «К. Н. Леонтьева я знал всего лишь неполный год, предсмертный его, последний. Но отношения между нами, поддерживающиеся только через переписку, сразу поднялись таким высоким знаменем, что, и не успевши свидеться, мы с ним сделали горячими, вполне доверчивыми друзьями» [3].

Мы вправе поставить вопрос: *что сближало этих столь различных людей?* Многие исследователи (например, П. В. Палчевский) считали В. В. Розанова «прямым наследником Леонтьева» [4]. В любом случае взаимный интерес первоначально был основан на уважении и взаимоприятии творческих позиций. 27 ноября 1894 г. В. В. Розанов писал Н. Н. Страхову о том восхищении, которое он испытывал, читая К. Н. Леонтьева: «Вот ум, вот убежденность, вот язык и тон!» [5].

Первое сближение произошло на платформе отрицания либерализма – учения, господствовавшего тогда в умах «просвещенного общества»; но если В. В. Розанова настораживало само господство либерализма, то есть «недемократичность» по отношению к статусу других политических идеологий, то К. Н. Леонтьев испытывал «эстетический страх» от того, что «либерализм своим уравнительным и освободительным дви-

жением подкашивает разнообразие и, следовательно, красоту вещей, социального строя и природы» [6].

Значительно позже В. В. Розанов, говоря о причинах их начального взаимного притяжения, утверждал: «Строй тогдашних мыслей Леонтьева до такой степени совпадал с моим, что нам не надо было сговариваться, договаривать до конца; все было понятно с полуслова и до конца, до глубины ... друг в друге» [7].

Начальная фаза тесного соединения позиций двух мыслителей была предопределена и факторами иного порядка: во-первых, некоторым совпадением социального статуса, характером взаимоотношений с окружающим; принципиальной непризнанностью (один уже сходит с общественной сцены, не получив признания современников, другой только пытается обрести свое место); во-вторых, сыграла свою роль и психологическая привлекательность образа мышления К. Н. Леонтьева, его неукротимый темперамент, сила, увлекательность и обаяние личности. «Дикая и царственная» манера мышления, необузданность натуры пленили В. В. Розанова, позже писавшего: «Еще не разобрав, кто и что он, да и не интересуясь особенно этим, я по всему циклу его идей, да и по темпераменту, по границам безбрежного отрицания и безгранично утверждений (чаяний) увидел, что это человек пустыни, конь без узды, – и невольно потянулись с ним речи, как у братьев-разбойников за костром» [8].

Увлечение К. Н. Леонтьевым сподвигло В. В. Розанова на написание цикла статей («Эстетическое понимание истории» и др.), увы, ряд положений которых автор позже «счел неудачными», а потому и не любил вспоминать о них [9].

Можно утверждать, что *фаза начального совпадения этих двух замечательных личностей была предопределена «очарованием», привлекательностью одного и «найденным смыслом отрицания» (самоутверждения в начале пути) другого*. В то же время В. В. Розанов достаточно часто демонстрировал и свое несогласие с какими-то позициями К. Н. Леонтьева. Например, еще до заочного знакомства с последним, 27 июля 1890 г. он писал Н. Н. Страху о леонтьевском хаосе изложения, не соглашался с оценками исторической роли народных масс («... какая самоуверенность до наглости, какая как бы сухость сердца и этот “государственный бич” над “народом-богоносцем”, которого он требует, посмеиваясь над Достоевским. Отвратительный человек, должно быть, но как запоминаются его слова» [10].

Меняющиеся обстоятельства общественной жизни, творческий рост и критический запал В. В. Розанова постепенно «развели» их позиции. По мнению С. М. Сергеева, переломным в этом отношении стал 1895 г. [11]. Дальнейшие взаимоотношения двух философов уже никогда не будут отмечены особыми совпадениями; более того, в «Опавших листьях» (1913 г.) В. В. Розанов – уже раздраженный критик К. Н. Леонтьева: «Что же такое весь Леонтьев? В 35 лет он кажется старцем и гением, потрясавшим Европу. В 57 лет он кажется мальчиком, схватившим ручонки кита... Что же такое Леонтьев? Ничего. Он был редко прекрасный русский человек, с чистой, искренней душой, язык коего никогда не знал лукавства ... Но мысли его? Они зачеркиваются одни другими. И все сочинения его... – прекрасное чтение. Но в них нечего вдумываться. В них нет ответа и мудрости» [12].

18 июня 1915 г. в «Мимолетном» В. В. Розанов горько раскисает за свои избыточно эмоциональные оценки: «Грех, грех, грех в моих словах о Конст. Леонтьеве в “Опавших листьях”. Как мог решиться такое сказать? ... Мальчишеские мои слова о нем» [13].

В «сухом остатке» розановского отношения к К. Н. Леонтьеву – признание, что это – «величайший мыслитель за XIX век в России», которого отличало «изумительное сердце, чистое, отсутствие всякого притворства». В. В. Розанов неоднократно утверждал, что, несмотря на идейные расхождения, он всегда сохранял «глубокую привязанность к этому человеку, которого позволяет себе назвать великим умом и великим темпераментом» [14].

Завершая общую характеристику взаимоотношений К. Н. Леонтьева и В. В. Розанова, обратимся к некоторым частным проблемам, среди которых оценка В. В. Розановым жизненной и творческой участи К. Н. Леонтьева; общая характеристика творческого метода К. Н. Леонтьева; подробный анализ его историософической концепции; религиозно-эстетический идеал и натурализм К. Н. Леонтьева; К. Н. Леонтьев и славянофильство; социально-политическая проблематика в творчестве К. Н. Леонтьева. Даже это простое перечисление показывает, что именно В. В. Розанов является наиболее последовательным и вдумчивым исследователем леонтьевского творчества.

В начале попытаемся оценить то, каким образом В. В. Розанов оценивает **стиль и творческую манеру К. Н. Леонтьева**. Мы понимаем, что стиль – это, прежде всего, форма. В. В. Розанов выделял в этом аспекте два качественных и

взаимосвязанных слоя, уровня: а) содержание личности К. Н. Леонтьева и б) форму ее проявления.

В. В. Розанов выделял в сущности К. Н. Леонтьева следующие черты:

– чистоту и благородство души «без единого пятнышка притворства, лжи, лицемерия, фальши, гордости, тщеславия» [15];

– «ангельскую» сущность его нравственности: «Первоначально-то его натура – конечно, ангельская; ... Его письма по чарующему тону, по глубокой чистоте души, по любви к друзьям и преданности им – есть что-то несравнимое... Он был одним из самых нравственных людей на свете по личной доброте..., по общей грации души, по полному и редчайшему чистосердечию» [16];

– горячность (неравнодушие) и страстность, стремление «ввергнуть в борьбу и распрю, даже в страдание, не только врагов, но и друзей» [17].

Для В. В. Розанова К. Н. Леонтьев «вообще был весь настоящий, без подделок, без фальши, без притворства, без заимствований» [18]. Столь замечательная личность должна была и внешне проявляться не менее замечательно. Великолепие стилиевой манеры К. Н. Леонтьева были вынуждены признавать все: так, Н. Н. Страхов, воспринимавший и личность, и творчество К. Н. Леонтьева без особого пиетета, 6 января 1891 г. писал В. В. Розанову: у Леонтьева «можно найти много тонких и остроумных вещей, так что читатели были бы поражены и побеждены» (В. В. Розанов комментирует это следующим образом: «Удивительно глубоко... Читателя – умного – Леонтьев сразу «берет в друзья») [19].

Заинтересованным читателям мы с удовольствием предлагаем открыть для себя К. Н. Леонтьева; и думается, что начинать нужно с его писем, поскольку «как автор писем – Леонтьев стоит еще выше, чем как автор статей: мы не припомним еще ничьих писем в русской литературе, которые были бы так же увлекательны и умны, философичны и остроумны» [20].

В. В. Розанов неоднократно обращался к характеристике творческой манеры К. Н. Леонтьева [21], выделяя следующие ее черты: особая выразительность, богатство физиологически-бытового восприятия себя и окружающего; нервный и острый, страстный и мучительный стиль изложения мыслей, отражавший аристократизм ума и образования; даже враги попадают под действие магических чар его слова (мольбы и упрека), в которых сквозит сумеречное мирозерцание, изящество стиля, спокойное барство слишком твердого (даже в удовольствиях) чело-

века, строгость суждений не ошибающегося и не колеблющегося автора.

По мнению В. В. Розанова, К. Н. Леонтьев «писал как думал», обнажая в малом количестве слов большое количество смыслов [22]. Думается, что литературный высокохудожественный стиль К. Н. Леонтьева, отражая глубокую внутреннюю работу напряженной мысли, свидетельствует об удивительной гармонии этой личности, ее самосовпадении в главном смысловом значении.

Общая оценка теории и научного метода К. Н. Леонтьева. Называя К. Н. Леонтьева «первой умницей нашего века» [23], В. В. Розанов одновременно постоянно подчеркивает слабость его же идейно-теоретических позиций. Зная творчество К. Н. Леонтьева, мы понимаем, почему В. В. Розанов, вслед за В. С. Соловьевым, определяет суть леонтьевского кредо как «идейный консерватизм» [24]. В данном случае речь в большей степени идет о векторе, о направленности, о мотивации мышления К. Н. Леонтьева. Но это не характеристика его научной системы; она-то как раз и не имела той же степени качественной определенности. 24 мая 1891 г. В. В. Розанов писал Н. Н. Страхову в том числе и о «недостатке идей» у К. Н. Леонтьева; позже он так прокомментирует леонтьевскую научную систему: поражает «разнородность состава, при бедности и монотонности линии тезисов» [25] и пр.

Соглашаясь с В. В. Розановым о некоторой теоретической бедности ряда позиций К. Н. Леонтьева, отметим, что причиной тому служат условия формирования его личности, не позволившие получить полное и завершенное высшее образование (то есть подлинно научное в общепринятом смысле). Это, кстати, имеет и некоторое положительное значение – К. Н. Леонтьев не был связан круговой порукой какой-то научной конвенции; его этическое самоопределение не предполагало, таким образом, верности школе, учителю и пр. Ему оставалось быть верным самому себе, а именно это получалось у К. Н. Леонтьева гораздо лучше прочего.

Проблема свободы в творчестве К. Н. Леонтьева занимает особое место. И здесь мы вновь не можем уйти от оценок В. В. Розанова:

«Небывалая свобода этого человека заносила волны его ума решительно в бесконечность»;

К. Н. Леонтьев «есть ... самое свободомыслящее явление, может быть, за все время существования русской литературы; ... безбрежность его скептицизма и сердечной идейной свободы (независимости, вытекающей из собствен-

ного «я») оставляет позади себя свободу Вл. Соловьева, Герцена, Радищева, Новикова»;

«в нем не было и тени игры, в своих трудах он был свободен, капризен, деспотичен, как царственная женщина в беспорядке своей уборной, среди черных невольниц»;

«смелость и гордость Леонтьева больше всего меня поразили. Он имел силу сказать вещи, которых никто в лицо обществу и читателям не говаривал... Леонтьев вообще действовал как пощечина»;

«дух Леонтьева не знал, так сказать, внутренних задвижек; в душе его было окно, оттуда открывалась вечность»;

это был «танец небесной свободы и прелести» [26].

Таким образом, К. Н. Леонтьев не был для современников проповедником своих теорий; он был чем-то большим, как нам думается, – резонатором общественно значимых смыслов с задающими функциями в отношении социума; чувствуя сердцем темп и ритм наступавшей эпохи, сопротивляясь ей, он, как мог, стремился задавать свой темп и другим. Не случайно В. В. Розанов, отмечая «чрезмерное преобладание в нем отрицания над утверждением, отвращающего чувства над любовью, надеждой, порывом» [27], неоднократно утверждал, что «Леонтьев, в идейном своем строе, может быть понимаем и истолковываем лишь как человек XIX века, – лишь как борец против XIX века» [28].

Именно В. В. Розанову принадлежит первенство в формировании базовой проблемы мировоззрения своего старшего товарища, которую мы (условно) определим как «крест К. Н. Леонтьева» (см. рис. 1).

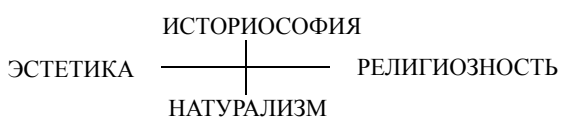

Рис. 1. Мировоззрение К. Н. Леонтьева: основные противоречия (по взглядам В. В. Розанова)

Заметим, что данную схему (противопоставление, противоречивость) позже использовали (иногда, впрочем, не ссылаясь на автора) многие, в том числе именитые, критики. В. В. Розанов очень точно замечает, что указанные элементы не соединяются между собой гармонично, хотя и «образуют существо его духа, обуславливают его суждения, формируют его мировоззрение» [29].

Если сущность историософской теории К. Н. Леонтьева выглядит достаточно «ясной и простой» (три фазы исторического процесса,

учение о форме в приложении к отечественной истории и культуре и мн. др.), то его религиозно-эстетические воззрения значительно более сложны и противоречивы; В. В. Розанов писал об этом: «Он сам, его скорбь и уныние – вот, что загадка, что смущает невольно того, кто захотел бы без остатка осветить его лицо для себя» [30].

Анализ текстов К. Н. Леонтьева показывает, что он, последовательно разбирая те или иные тезисы своих доктрин, возвращаясь к ним раз за разом, пересматривает их сущность, дорабатывает, меняет ориентиры мысли и т. п., – часто довольно решительно; поэтому каждое новое прочтение К. Н. Леонтьева позволяет увидеть непонятое; в любом случае, все перечисленное серьезно затрудняет научную идентификацию этого автора. Его любимый прием из сферы когнитивного – обволакивание одного и того же тезиса дополнительными и меняющимися логическими конструкциями – иногда умозрительными, но всегда блестящими, парадоксальными.

Завершая рассмотрение особенностей творческого, научного метода К. Н. Леонтьева, заметим, что В. В. Розанов давал ему оценки, в том числе и в сравнении с воззрениями славянофилов, а также выдающихся философов того времени – Г. Гегеля и Ф. Ницше. В одном месте В. В. Розанов пишет: «В нем было много ... Гегеля ... в Леонтьеве Гегеля сидело больше, чем в самом Гегеле» [31]; в другом он аналогично заключает: «Леонтьев был больше Ницше, чем сам Ницше» [32].

Для В. В. Розанова и Гегель, и Ницше были «мирными профессорами», а К. Н. Леонтьев: а) намного раньше Ницше «по-ницшеански» высказался против христианских начал красоты, занимал позиции антихристианства, антиморализма, специфически оценивал сущность человека, истории и т. п.; б) основывал свои рассуждения на парадоксальности, логике противоречия, отрицании отрицания, абсолютной идее (для К. Н. Леонтьева – Бог). При этом, в отличие от «мирного берлинского профессора» (Гегель), К. Н. Леонтьев «нигде не хотел мира», ни в стране, ни в душе. «Он был поджигатель по натуре, по существу, по личному вкусу. Его огонь был не “философский”, а пылал у него в крови, жег мозг, толкал его лично на безрассудства и выходки – между прочим, испортившие ему правительственную “службу”» [33].

В. В. Розанов (подобно многим другим) соотносил творческую биографию К. Н. Леонтьева с движением славянофилов и даже называл его «последним выдающимся славянофилом» [34]. В данном случае требуются некоторые пояснения:

В. В. Розанов действительно ставил К. Н. Леонтьева в ряд славянофильских писателей, но понимал узость этого соотнесения. Западники с отвращением отталкивали консервативные, «реакционные» (?) теории К. Н. Леонтьева; славянофилы «страшились принять его в свои ряды», поскольку он «был славянофилом без добродетелей (хотя и с прелестными личными качествами)» [35]; «роль его в истории славянофильства ... исключительно формальна» [36]; «он столкнулся со славянофильством, к которому первоначально принадлежал, и откололся от него ... Славянофил – против объединения славян ... конечно, он был черным вороном среди них» [37].

В. В. Розанов высоко оценивал саму «почву», идейно-теоретический потенциал славянофильства: «уже одно появление в славянофильстве такой гениальной личности, как Леонтьев, в самом конце XIX века, показывало могущество этой старой почвы, – могущество идейных корней, в ней заложенных. В корнях все и дело. Слияние в одно целое народности и христианства, – то есть Церкви, – вот ее корень» [38].

Заметим, что идея объединения народного сознания и православной религии (Церкви), конечно, не нова для того времени, но в аспекте темы нашей работы чрезвычайно плодотворна, позволяя дать взвешенную критику значимым материалам, посвященным К. Н. Леонтьеву (например, статьи С. Н. Трубецкого, П. Н. Милюкова и др.); некоторые из них, по оценке В. В. Розанова, хоронят саму почву славянофильства.

Историософия К. Н. Леонтьева (мы употребляем термин «историософия», стремясь подчеркнуть философско-методологический характер его взглядов на исторический процесс, а также их явный религиозный оттенок). По мнению В. В. Розанова, «корень всего Леонтьева» – его «учение о трех фазисах всякого развития» [39]. Действительно, К. Н. Леонтьев – автор известной триады, трех этапов, которые проходят все процессы природы и общества: а) первичная простота; б) цветущее усложнение; в) вторичное упрощение.

Любители схем исторического материализма и классовой борьбы сразу найдут в этом подходе много «ошибок» (то есть того, что не соответствует их взглядам); но, как и сегодня, прав В. В. Розанов, горько заметивший через много лет после смерти К. Н. Леонтьева, что «взгляды этого выдающегося мыслителя никто не поколебал, никто не оспорил, – да и никто не разбирал его в нашей ленивой литературе». Одна из причин этого – исторический пессимизм консерватора К. Н. Леонтьева, полагавшего, что вторичное

смесительное упрощение (в его терминах – «эгалитарный процесс», «прогресс») ведет Европу к закату и гибели. В. В. Розанов называет этот пессимизм «демоничным» и отмечает, что он возник, конечно, и «по чувству, и по складу сердца», но главное – «по целому систематическому воззрению» [40].

Сам К. Н. Леонтьев считал свою историософскую теорию «главным пунктом своей теоретической системы», но, как было замечено им же в письме к В. В. Розанову от 13 июня 1891 г., «все исследователи старались обходить мою систему стороной, осторожным молчанием» [41]. «Поразительно! – Не сдерживает эмоций В. В. Розанов в соответствующем комментарии. – В ней-то – главная суть Леонтьева; без нее – его просто нет. Здесь сказывается поразительная тупость наших философских и историко-философских кафедр, а также наглость и поверхностность нашей публицистики. В печати у нас ругаются, собственно, а не думают» [42].

В момент знакомства с К. Н. Леонтьевым мировоззрение В. В. Розанова было оптимально готово к восприятию его историософической теории; в письме к Н. Н. Страхову от 24 мая 1891 г. он признается: «Чтение его (К. Н. Леонтьева) книг так убедительно действует, такой новизной поражает... Про себя могу сказать, что мои антипатии ко многому в текущей жизни стали рациональными, научно обоснованными именно после чтения его книг» [43].

После знакомства с леонтьевскими работами В. В. Розанову «ужасно захотелось» написать соответствующую статью под названием «Эстетическое понимание истории» (письмо к Н. Н. Страхову, декабрь 1890 г.); эта большая работа вскоре увидела свет, в ней системно изложены многие фрагменты мировоззрения К. Н. Леонтьева; но в 1913 г. В. В. Розанов комментировал ее содержание следующим образом: «Вся вообще статья о Леонтьеве ... недурно начатая и недурно конченная..., но испорчена и дурна от всегдашнего моего неумения делать цитаты из критикуемого автора» [44]. Действительно, избыточное цитирование избыточных по объему текстов К. Н. Леонтьева в чем-то мешает читателю розановской статьи понять позицию автора.

Но главное не в этом; *по мнению В. В. Розанова, вклад К. Н. Леонтьева в развитие исторической теории и методологии состоял в следующем:*

1. Показан смысл исторического развития мира и России в XIX в.
2. «Преодолено» понятие прогресса.
3. В историю введено мерило добра и зла.

4. Определено истинное соотношение различных культурных миров.

5. Введена естественно-историческая объективность.

6. Разработано учение о форме.

7. Дана характеристика теории славянофильства и пр.

Рассмотрим некоторые из вышеперечисленных моментов.

К. Н. Леонтьев выделял в развитии всех процессов – естественных, социально-политических – три обязательные фазы (как отмечалось – первичной простоты, срединной цветущей сложности и вторичного упрощения). Представления о том, что в данном случае мы видим **биологизаторство** истории, стали в критике К. Н. Леонтьева общим местом. Н. Н. Страхов 21 мая 1891 г. писал В. В. Розанову, что это «есть не что иное, как приложение органических категорий, которые сознательно употреблял Шеллинг, у Гегеля это дело взято всего глубже»; да и сам В. В. Розанов говорил о том, что «идеи Леонтьева и сложны, и просты. Это был патолог. (Леонтьев был медик по образованию, ученик еще Иноземцева), приложивший специально патологические наблюдения и наблюдательность к явлениям мировой жизни, по-преимуществу – социально политической; он отличался вкусами, позывами гигантски напряженными и ультра-биологическими» [45].

В изложении Н. Н. Страхова – это только констатация (даже несколько негативного свойства); в позиции В. В. Розанова мы наблюдаем много больше пролонгированного (отложенного в понимании) смысла: **естественно-историческая основа, на которую в анализе истории встал К. Н. Леонтьев, есть специфическая реализация принципа объективности;** «давая доступные наблюдению признаки развития, он устраняет из научного исследования вмешательство страстей» [46].

Далее, рассуждая о «натурализме» К. Н. Леонтьева, В. В. Розанов замечает: его анализ «истории холоден и свободен, как размышления медика у постели больного, где он хочет знать, и – ничего более» [47]. В. В. Розанов поясняет тезис об объективности следующим образом:

а) в одном из писем к И. Фуделю К. Н. Леонтьев заметил, что «наука будущая и желаемая должна быть проникнута великим презрением к своей выгоде (холодна, безучастна; ни льстить человеку, ни радовать, ни утешать его);»

б) в работе «Византизм и славянство» (т. 1) К. Н. Леонтьев дает весьма нелицеприятные оценки отечественной истории: «Мы прошли мимо, со-

творяли духом мало», «у нас все оригинальное и значительное принадлежит Византии и ничего – собственно нашей, славянской крови». В. В. Розанов вынужден признать: «Его приговоры беспощадны... Его указания, советы – бесстыдны, и это в такой мере, что на некоторое время даже отталкивают от него читателя, пока позднее он не покоряется невольной силе ума его и правде» [48].

Таким образом, важно видеть, что и в природе, и в обществе все сущее подчиняется законам рождения и умирания, восходящего и нисходящего развития; объективность такого рода, пусть даже и вытекающая из «практической части медицинских наблюдений» «человека очень небольшого образования» [49], исключительно полезна, в том числе и сегодня.

Сильный и самобытный ум К. Н. Леонтьева характеризует его как «мыслителя мирового масштаба», но этих кондиций он смог достичь «в силу эстетической одаренности» [50].

Натуралистические фрагменты историософской концепции К. Н. Леонтьева существенно дополнялись его эстетизмом; образно говоря, именно эстетическое оплодотворение превращало многие его рассуждения в настоящие жемчужины мысли и чувства.

Эстетизм К. Н. Леонтьева имел в качестве основы идеал биологического. В. В. Розанов поясняет это следующим образом: «Историей движет эстетическое начало – более, нежели начала религиозные или политические... Наиболее прекрасная жизнь есть наиболее сложная жизнь, то есть далее всего отстоящая от смерти, от конца... Расцвет – это сила и красота. А старость и смерть всегда безобразны» [51].

Таким образом, ведущим началом становления центральной фазы леонтьевской периодизации истории (цветущая сложность) выступает именно сложность эстетическая: наиболее красивый человек – наиболее сложный человек (он в то же время и наиболее сильный); наивысшая культура, цивилизация – наиболее сложная; пройдя свою высшую точку, все они стремятся к гибели (фаза вторичного упрощения).

Через двадцать лет после смерти К. Н. Леонтьева В. В. Розанов записал: «Я не могу назвать более великолепной теории. Она истинна, как сама действительность. Скажу точнее – теория Леонтьева есть просто действительность» [52].

В. В. Розанов неоднократно обращался к анализу леонтьевского эстетизма: по его мнению, «чувство эстетического» присутствовало в личности К. Н. Леонтьева «безотчетно, неудержимо», проявляясь в каждом обороте речи, в любой оценке, во всяком требовании, порицании; «это

чувство – его жизнь, скудель его печалей, родник всех радостей; и начало грани, предела или, что то же, формы; и понято им так глубоко и универсально, потому что оно есть прежде всего начало красоты, эстетическая сторона целого мировоззрения» [53].

В аспекте эстетизма мы можем оценить отношение К. Н. Леонтьева к процессу современной ему цивилизации; говоря словами В. В. Розанова, каким образом «мир художественных законов и идей был распространен им на историю» [54]. В его понимании на рубеже XIX и XX вв. Европа переживала этап «вторичного упрощения» («унитарно-эгалитарная действительность», «пиджачная цивилизация» и т. п.). В. В. Розанов следующим образом оценивает тогдашнее умонастроение своего старшего товарища: «Все теперь умирает, все падает; потому что все обезличивается...». И он с жестокостью восстал против величайших стимулов нашего времени: против любви, жалости; против уравнительного процесса истории, который он называл «эгалитарным процессом», против «братства» народов и людей... Как бы раскинув руки, он восстал против всего движения европейской цивилизации и христианской культуры. Конечно, это был титан» [55].

К. Н. Леонтьев остро переживал опрощение, «прогрессивное усреднение» всего и вся – государства, религии, науки, социальной структуры, видел в этом «признак падения европейских обществ»; и именно это общее усреднение и разложение всячески провоцировало известный леонтьевский аристократизм (реакция несогласия, протеста). Не принимая современной ему новой действительности, К. Н. Леонтьев, в отличие от современных антиглобалистов, предпринимал попытки «бегства от цивилизации» – «в последнее убежище эстетики наших дней – в черный монастырь с его упорным отрицанием жизни» [56].

Тема эстетизма заставляет нас обратить внимание на определенным образом формирующие его фрагменты личности К. Н. Леонтьева:

а) *женственность натуры*. В. В. Розанов неоднократно говорил о К. Н. Леонтьеве как о «человеке лунного света», о его «женском глазке на все» «с безумными привязанностями, безумным фанатизмом»; «отсюда странное очарование, которое на нас льется из его неудержимых речей, как будто нас заговаривает женщина, чего-то у нас просящая, чего-то безумно требующая, и которой мы не в силах противостоять» [57];

б) *склонность к декаданству и мистике* (здесь он опережает и Ницше и «доморощенных» эстетов и символистов), *убежденность в «неисповедимости житейской суги»* [58];

в) *аморализм*. 24 мая 1891 г. В. В. Розанов в письме к Н. Н. Страхову так говорит об этом: «Эта развращенность пресыщенного человека, некоторый цинизм в мысли и в чувстве; но и опять – это выражено с такой твердостью языка, с такой бесстыдной нескрываемостью, что поражает, и – притягивает. Притягивает мужеством своим, равнодушием к суду читателя... Все это в целом делает его неуловимо прекрасным в чтении» [59].

В. В. Розанов откровенно высказывается об эротизме К. Н. Леонтьева, его стремлении к «страстям», к любви, разгулу и т. п.; при этом логично переводит этот разговор в этическую плоскость. Не без остроумия В. В. Розанов замечает: «Если не ошибаюсь, этим грешил и А. С. Пушкин, коего никто “безнравственным” не считает. Дело – бывалое, дело – мирское... Вообще следовало бы раз и навсегда и относительно всех на свете людей выкинуть эротику и страсти из категорий моральных оценок человека» [60]. С последним замечанием невозможно не согласиться.

Анализ этико-эстетической совокупности кредо К. Н. Леонтьева В. В. Розанов дополняет следующими рассуждениями: эстетизм созерцателен, а значит, пассивен, то есть весьма ограничен в деле переустройства социумного бытия. Эстетизм («красота земная», «Афродита земная») – «отвращает нас от всего, что ему противоречит: но бросить нас на подвиг, на жертву – вот чего он никогда не сможет».

Этическое начало («красота небесная», «Афродита небесная») – вот, что движет человеком, «одушевляет его, покоряет его»; то, за что он «проливал и никогда не устанет проливать кровь».

К. Н. Леонтьев был жертвой внутреннего несовпадения двух этих начал; он искренне любил, хорошо знал земную красоту – «Афродиту земную»; что же касается подвижнических моральных начал, то он был «слеп к родникам этических движений, с атрофированным вкусом к ним». В результате К. Н. Леонтьев в социальном смысле оставался «странно пассивным» (а многие принимали его стремление к сохранению неперестанно разлагающейся красоты сегодняшнего дня за особый – «идейный» – консерватизм); «любить сохранившиеся остатки красоты в жизни, собрать ее осколки и как-нибудь их цементировать – это было все, к чему он умел призывать людей, что выходило из алфавита ему известных понятий и слов. И ум сильный, и взгляд твердый говорили ему, что это – ненадолго..., он не мог рвануться вперед..., не понимал того, си-

лой чего в истории человек порывался и порывается» [61].

В данном случае мы можем оценить *критику В. В. Розановым историософической позиции К. Н. Леонтьева*:

– во-первых, присутствует слабость этического начала, а следовательно, низкая действенность учения (в аспекте социального конструирования);

– во-вторых, наблюдается предельно широкий охват событий мировой и отечественной истории, но не их же глубокий анализ («видимо здесь играет роль недостаток у него образования»);

– в-третьих, представив на суд общества теорию триединого процесса развития, оценив при ее помощи прогресс, революционные изменения, К. Н. Леонтьев делал исключительно пессимистический вывод о предсмертном состоянии современного ему общества (вывод недостаточно обоснован в социально-политическом смысле, приводится в эстетическом контексте);

– в-четвертых, неумение определить доминирующие движущие силы современного ему исторического процесса; по этому поводу В. В. Розанов даже писал К. Н. Леонтьеву: «Силу же, которая движет этот процесс, Вы лишь отвергаете, но не опровергаете» [62].

Таким образом, в понимании В. В. Розанова К. Н. Леонтьев апеллировал к эстетически осмысленной форме в ущерб содержанию исторического процесса. Из-за этого К. Н. Леонтьев, «пораженный страшным нищенством своей эпохи» [63], не смог выйти за пределы персонализма и субъективизма.

Религиозность К. Н. Леонтьева – одна из важнейших проблем для исследователей его творчества; в их работах, в письмах современников неоднократно (прямо и подспудно) высказывалось сомнение в истинности религиозного чувства К. Н. Леонтьева. Причина тому – непризнание им многих утвердившихся в массовом религиозном сознании стереотипов и постулатов. Так, например, благостный образ старца Зосимы в изложении Ф. М. Достоевского удивил и умилил всю Россию (существенно подняв в обществе авторитет православия). В свою очередь, К. Н. Леонтьев в письме В. В. Розанову 13 апреля 1891 г. рекомендует «перерасти Достоевского с его “гармониями”, которых никогда не будет, да и не нужно. Его монашество – сочиненное. И учение отца Зосимы – ложное, и весь стиль его бесед фальшивый» [64].

Как известно, К. Н. Леонтьев тяготел к византийскому, более строгому, аскетическому, монашескому православию; для него – онтологически – «личное христианство есть прежде всего трансцендентный (не земной, загробный) эгоизм. Альтруизм же сам собою приложится. Страх божий (за себя, за свою вечность) есть начало премудрости религиозной» [65]. Здесь присутствует явный намек на трагические обстоятельства начала 70-х гг. XIX в., повлиявшие извне на внутреннее принципиальное православное самоопределение К. Н. Леонтьева. Не случайно и то, что афонские и оптинские старцы почти двадцать лет не давали ему позволения на монашеский постриг.

Сам К. Н. Леонтьев в письме к В. В. Розанову от 13 августа 1891 г. описывал свой религиозный выбор следующим образом: в 1871–1873 гг. «к эстетической любви моей к Церкви надо прибавить еще и то, чего не доставало...: страха греха, страха наказания, страха Божия, страха духовного! Я смирился... Физический страх прошел, а духовный остался. И с тех пор я от веры и от страха Господня отказаться уже не могу... Религия тяжелое иго, но тот, кто истинно уверовал, тот с этим игом уже ни за что не расстанется» [66].

К. Н. Леонтьев буквально заставил себя покориться религиозному началу; как и насколько – «вот загадка, в которой скрывается ключ к его объяснению» [67]. В. В. Розанов попытался ответить на этот вопрос:

а) К. Н. Леонтьев был широк в религиозном мировосприятии, сочетая монашество с чтением вольтерянцев; монашество не отбило у него вкуса к житейскому, к земному;

б) К. Н. Леонтьев «совершенно забыл Церковь и особые обетования, ей данные. Он не вспомнил этого вовсе, отчего остался безутешным» [68]. Для В. В. Розанова это странное, почти языческое забвение «того святого центра общего движения в мире, который незримо ведет, охраняет, поддерживает идущих» [69];

в) христианство (православие) для К. Н. Леонтьева – некое средство социально-политической (консервативной) антилиберальной ориентации; сама вера всегда была для него чем-то формальным, внешним, извне требующим и пр.: «В византизме, церковности, в христианстве его не манило то положительное и доброе, святое и благое... Любить в христианстве ему было нечего... Его не тянуло (нисколько!) к себе христианство, но он увидел здесь неистощимый арсенал стрел против подлого буржуа XIX века» [70].

Напоследок обратимся к **общей оценке творчества и судьбы К. Н. Леонтьева**, данной в произведениях В. В. Розанова.

Н. Н. Страхов в письме к В. В. Розанову от 20 февраля 1892 г. по-своему определил причины леонтьевского неуспеха: отсутствие стройности и законченности произведений, избыточное хитросплетение мыслей; несомненные талант, вкус и образованность не дополнялись душевной чистотой и добросовестностью труда. Много позже, комментируя это письмо, В. В. Розанов отметил:

а) тот же Н. Н. Страхов имел все – «стройно и закончено», – а успеха также не снискал;

б) леонтьевский стиль, текст – «именно не плетение, а как стальное огниво ударяет кремь и искры сыплются... Он поразительный по ясности и цельности писатель»;

в) «он был душевно чистый человек и писатель, писавший всегда прямо, никогда не лукавивший, никого не обманывавший, без хвастовства, без наглости в себе, без тщеславия» [71].

Но принципиально В. В. Розанов дает однозначно пессимистические оценки творческой судьбе К. Н. Леонтьева: «К. Н. Леонтьев был мало известен и при жизни, и после смерти»; он прожил «жалкую полужизнь, жизнь – как несчастье и горе»; «он родился и умер в тоске, никем не uznанный»; «он сам больше любил людей, нежели был любим ими» [72] и т. д. и т. п.

8 мая 1891 г. В. В. Розанов в письме прямо спросил о причинах такого положения дел (отсутствие широкого общественного признания) самого К. Н. Леонтьева; и тот ответил: «Бог Сам знает, кому, что и в какое время дать» [73].

В. В. Розанов объективно оценивает взгляды К. Н. Леонтьева: это «феномен, а не сила»; «он – великий муж», но его идеям не суждено было сбыться, они «не привыются», так как не соответствуют реальным процессам, ошибочны, несмотря на то, что их автор – человек «чрезмерный и удивительный»; «он во всем ошибся; ...Благородный и истинно великий, он нес свои идеи как тягость, как болезнь»; очень жаль, «что ложность этой болезни, призрачность этой тягости становится ясна так поздно» [74].

В то же время В. В. Розанов всегда утверждал величие К. Н. Леонтьева и предрекал в будущем его возвращение: «Имя и память Конст. Леонтьева не поддаются забвению»; «он очень полезный писатель, и чем больше будут его узнавать... тем больше будет возрастать его влияние»; «скоро! Скоро, чувствуется, придет время Леонтьева» [75] и др.

«Он ужасно неталантливо родился, – пишет о К. Н. Леонтьеве В. В. Розанов, – родился не для

счастья»; «в другое историческое время по условиям жизни и качествам души, он мог бы стать счастливейшим в мире смертных; не столкнусь он с “эгалитарным процессом” в XIX веке, например, во времена Екатерины II Великой он прожил бы свою жизнь просто и хорошо, без всякого монастыря» [76].

Через двадцать лет после смерти К. Н. Леонтьева его имя, мысли оставались малоизвестными широким слоям общественности, а ведь «множество умнейших людей эпохи признавали его огромную силу», называли его «одним из самых ярких и поразительных русских умов»: «Если в этой оценке сходится и бывший террорист, теперь редактор “Московских ведомостей”, Тихомиров, с его бурной душой и судьбой, и “аккуратисты” не менее Акакия Акакиевича Милуков и Струве, и гении нравственных вопросов... Толстой и Достоевский, то это что-нибудь значит... Тут ... покоряющая всякое сердце истина» [77].

Почему же «образованная толпа» прошла мимо К. Н. Леонтьева, ничего не услышав из его предостережений? По мнению В. В. Розанова, он «натурой разошелся со всем и всеми», «это одинокая и единственная в своем роде душа»; «идеи его были исключительны, и неудивительно, что не прижились» [78]. К. Н. Леонтьев слишком далеко оторвался от предшественников и, в то же время, не создал школы, то есть системы учеников, последователей, объединенных общими взглядами. Он был человеком новой, будущей, единственной в своем роде цивилизации («гражданин некоего мечтаемого отечества») – сложной, яркой, пестрой, выразительной, по восточному жизнелюбивой, которая даже сейчас еще не успела образоваться (или образуется?); он решительно отказывался от прогресса, упрощавшего цветущую красоту жизни, а значит – несущего «вторичное упрощение» и смерть; он мечтал о будущем возрождении величия России в русле византизма и был буквально влюблен в эти идеи; он был великий мыслитель, страстный мечтатель, философ и... реалист; он был несравненно гениальней многих современных ему мыслителей (они не понимали, не принимали, не любили, завидовали, боялись...).

Безусловно, не случайно другому выдающемуся мыслителю – В. В. Розанову – выпала историческая миссия глубоко и всесторонне оценить эту замечательнейшую во всех отношениях личность («Мальштрем..., ревущую встречу эллинского эстетизма с монашескими строгими словами о строгом загробном идеале» [79]).

Примечания

1. Письма К. Н. Леонтьева к В. В. Розанову впервые опубликованы в журнале «Русский вестник» за 1903 г. в номерах 4 (С. 633–652), 5 (С. 155–182), 6 (С. 409–438); письма В. В. Розанова к К. Н. Леонтьеву увидели свет в 1989 г. (журнал «Литературная учеба», № 6. – С. 127–137).
2. Розанов, В. В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев [Текст]. – М. : Республика, 2001. – С. 330, 352.
3. Там же. – С. 319.
4. См. : Литературные собрания в Российском фонде культуры. Из выступлений на вечере, посвященном Константину Леонтьеву [Текст] // Литературная учеба. – 1998. – Кн. 4–5–6. Июль–декабрь. – С. 170.
5. Розанов, В. В. Указ. соч. – С. 222.
6. Там же. – С. 321.
7. Розанов, В. В. Неузванный феномен [Текст] // Розанов, В. В. Русская мысль. – М. : Алгоритм ; ЭКС-МО, 2006. – С. 321.
8. Розанов, В. В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев [Текст]. – С. 320.
9. См. : Неволин, С. Б. Василий Васильевич Розанов [Текст] // Русские философы (конец XIX – середина XX века) : Антология. Вып. 2. – М. : Книжная палата, 1994. – С. 29; Розанов, В. В. Эстетическое понимание истории [Текст] // Там же. – С. 43–124 и др.
10. Розанов, В. В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев [Текст]. – С. 240–241.
11. См. : Сергеев, С. М. Леонтьев Константин Николаевич [Текст] // Розановская энциклопедия. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – С. 518–519.
12. Розанов, В. В. Из «Опавших листьев» и «Мимолетного» 18 июня 1915 г. [Текст] // Розанов, В. В. Русская мысль. – С. 345, 346.
13. Там же. – С. 350.
14. Там же; Розанов, В. В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев [Текст]. – С. 320, 321.
15. Розанов, В. В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях [Текст]. – М. : Республика, 1994. – С. 655.
16. Розанов, В. В. О Константине Леонтьеве [Текст] // Розанов, В. В. Русская мысль. – С. 367.
17. Розанов, В. В. К. Леонтьев об Аполлоне Григорьеве [Текст] // Розанов, В. В. Русская мысль. – С. 355.
18. Розанов, В. В. Собрание сочинений. Признаки времени. Статьи и очерки 1912 г. Письма А. С. Суворина к В. В. Розанову. Письма В. В. Розанова к В. В. Суворину [Текст]. – М. : Республика, 2006. – С. 176.
19. Розанов, В. В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев [Текст]. – С. 100.
20. Розанов, В. В. К 20-летию кончины К. Н. Леонтьева [Текст] // Розанов, В. В. Русская мысль. – С. 343–344.
21. См. : Розановская энциклопедия [Текст]. – С. 1368; Розанов, В. В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев [Текст]. – С. 62, 322, 356, 368; Розанов, В. В. К. Леонтьев об Аполлоне Григорьеве [Текст]. – С. 353 и мн. др.
22. Розанов, В. В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев [Текст]. – С. 322, 368.
23. Там же. – С. 253.
24. Там же. – С. 389.
25. Там же. – С. 264, 364.
26. Там же. – С. 62, 324, 325.
27. Розанов, В. В. К. Н. Леонтьев: Поздние фазы славянофильства [Текст] // Розанов, В. В. Русская мысль. – С. 314.
28. Розанов, В. В. О Константине Леонтьеве [Текст]. – С. 365.
29. Розанов, В. В. К. Н. Леонтьев: Поздние фазы славянофильства [Текст] // Розанов, В. В. Русская мысль. – С. 310.
30. Там же. – С. 313.
31. Розанов, В. В. К. Леонтьев об Аполлоне Григорьеве [Текст] // Розанов, В. В. Русская мысль. – С. 355.
32. Розанов, В. В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев [Текст]. – С. 327.
33. Розанов, В. В. К. Леонтьев об Аполлоне Григорьеве [Текст] // Розанов, В. В. Русская мысль. – С. 355–356.
34. Розанов, В. В. К. Н. Леонтьев: Поздние фазы славянофильства [Текст] // Розанов, В. В. Русская мысль. – С. 306.
35. Розанов, В. В. К. Леонтьев об Аполлоне Григорьеве [Текст] // Розанов, В. В. Русская мысль. – С. 355.
36. Розанов, В. В. К. Н. Леонтьев: Поздние фазы славянофильства [Текст] // Розанов, В. В. Русская мысль. – С. 307.
37. Розанов, В. В. Неоцененный ум [Текст] // Розанов, В. В. Русская мысль. – С. 336.
38. Розанов, В. В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов. Н. Леонтьев [Текст]. – С. 126.
39. Розанов, В. В. О Константине Леонтьеве [Текст] // Розанов, В. В. Русская мысль. – С. 365.
40. Там же.
41. Розанов, В. В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов. Н. Леонтьев [Текст]. – С. 353.
42. Там же.
43. Там же. – С. 264.
44. Там же. – С. 101, 249.
45. Там же. – С. 90, 322–323.

46. Розанов, В. В. Эстетическое понимание истории (Теория исторического прогресса и упадка) [Текст] // Розанов, В. В. Русская мысль. – С. 209.
47. Розанов, В. В. К. Н. Леонтьев: Поздние фазы славянофильства [Текст] // Розанов, В. В. Русская мысль. – С. 311.
48. Там же.
49. См. : Розанов, В. В. О Константине Леонтьеве [Текст] // Розанов, В. В. Русская мысль. – С. 365.
50. Там же.
51. Розанов, В. В. Неоцененный ум [Текст] // Розанов, В. В. Русская мысль. – С. 334–335.
52. Там же. – С. 335.
53. Розанов, В. В. К. Н. Леонтьев: Поздние фазы славянофильства [Текст] // Розанов, В. В. Русская мысль. – С. 311.
54. Розанов, В. В. К 20-летию кончины К. Н. Леонтьева [Текст] // Розанов, В. В. Русская мысль. – С. 307.
55. Розанов, В. В. Неоцененный ум [Текст] // Розанов, В. В. Русская мысль. – С. 336, 337.
56. Розанов, В. В. Константин Леонтьев и его «почитатели» [Текст] // Розанов, В. В. Русская мысль. – С. 318.
57. Розанов, В. В. К. Леонтьев об Аполлоне Григорьеве [Текст] // Розанов, В. В. Русская мысль. – С. 356.
58. Розанов, В. В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов. Н. Леонтьев [Текст]. – С. 376.
59. Там же. – С. 264.
60. Розанов, В. В. О Константине Леонтьеве [Текст] // Розанов, В. В. Русская мысль. – С. 367.
61. Розанов, В. В. К. Н. Леонтьев: Поздние фазы славянофильства [Текст] // Розанов, В. В. Русская мысль. – С. 315.
62. Розанов, В. В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов. Н. Леонтьев [Текст]. – С. 403; Розанов, В. В. К. Н. Леонтьев: Поздние фазы славянофильства [Текст] // Розанов, В. В. Русская мысль. – С. 315; Розанов, В. В. О Константине Леонтьеве [Текст] // Розанов, В. В. Русская мысль. – С. 365.
63. Розанов, В. В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов. Н. Леонтьев [Текст]. – С. 393.
64. Там же. – С. 329.
65. Там же. – С. 330.
66. Там же. – С. 379.
67. Розанов, В. В. К. Н. Леонтьев: Поздние фазы славянофильства [Текст] // Розанов, В. В. Русская мысль. – С. 310.
68. См. : Розанов, В. В. Собрание сочинений. Около церковных стен [Текст]. – М. : Республика, 1995. – С. 297.
69. Розанов, В. В. К. Н. Леонтьев: Поздние фазы славянофильства [Текст] // Розанов, В. В. Русская мысль. – С. 314.
70. Розанов, В. В. Из «Опавших листьев» и «Мимолетного» 18 июня 1915 г. [Текст] // Розанов, В. В. Русская мысль. – С. 349.
71. Розанов, В. В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов. Н. Леонтьев [Текст]. – С. 105;
72. Там же. – С. 322, 333, 334; Розанов, В. В. Уединенное [Текст]. – М. : Политиздат, 1990. – С. 289; Розанов, В. В. Неоцененный ум [Текст] // Розанов, В. В. Русская мысль. – С. 334.
73. Розанов, В. В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов. Н. Леонтьев [Текст]. – С. 333;
74. Там же. – С. 328; Розанов, В. В. К. Н. Леонтьев: Поздние фазы славянофильства [Текст] // Розанов, В. В. Русская мысль. – С. 316.
75. Розанов, В. В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов. Н. Леонтьев [Текст]. – С. 267; Розанов, В. В. К 20-летию кончины Н. Леонтьева [Текст] // Розанов, В. В. Русская мысль. – С. 342; Розанов, В. В. Неоцененный ум [Текст] // Розанов, В. В. Русская мысль. – С. 337.
76. См. : Розанов, В. В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях [Текст]. – М. : Республика, 1994. – С. 655; Розанов, В. В. О Константине Леонтьеве [Текст] // Розанов, В. В. Русская мысль. – С. 365, 366.
77. Розанов, В. В. Неоцененный ум [Текст] // Розанов, В. В. Русская мысль. – С. 333.
78. Розанов, В. В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев [Текст]. – С. 322, 325, 326; Розанов, В. В. К. Н. Леонтьев: Поздние фазы славянофильства [Текст] // Розанов, В. В. Русская мысль. – С. 315. Розанов, В. В. Константин Леонтьев и его «почитатели» [Текст] // Розанов, В. В. Русская мысль. – С. 318; Розанов, В. В. Неоцененный ум [Текст] // Розанов, В. В. Русская мысль. – С. 335–336.
79. Розанов, В. В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов. Н. Леонтьев [Текст]. – С. 327.